

глава

Ух не зря звали непочтительными. Твари они и есть твари. Роэ даже немного отодвинул трубку от уха, чтобы не слышать истошного визга и самой похабной брани, доносившихся из динамика. Дав выплеснуться части словесной грязи, он поднес телефон к уху и, как только представилась возможность, невозмутимо спросил:

— Я не понял, этот ваш ублюдок... он... так и не сделал дела?

— Нет! Не сделал! Ее охраняет Гнилая! — завизжала из трубки баба. — Ты, чертила долбаный, должен был сказать нам об этом. Должен был сказать... Должен был сказать...

И снова грязь вперемешку с проклятиями сплошным потоком полилась из телефона. Но среди этого звукового мусора, среди проклятий и нелепых угроз Роэ отметил для себя три вещи. Во-первых, дело не сделано, так как червя кто-то охранял. Во-вторых, эта визжащая в телефоне тварь была напугана. И напугана она тем, кто охранял девку. А в-третьих, этот кто-то еще и отобрал у тупых десс их семейный нож. Главную реликвию рода.

«Уроды». Роэ не смог сдержаться: сбрасывая вызов, он засмеялся. Ему не было их жалко. Сброд... Беспольные ничтожества, которым ничего нельзя поручить. Потеряли свою реликвию! Да и хрен с ни-

ми... Так им и надо. Он опять усмехнулся, представив, как их взбесила утрата. Впрочем, смех смехом, а дело-то не сделано. И... червя охранял кто-то такой, что чуть ли не до дефекации напугал молодую Мать из Южного табора. А Бледная Госпожа ждет результата.

Роэ отставил чашку с крепчайшим кофе. Как жаль, что сейчас нельзя курить в заведениях. Он задумался и вспомнил вот что... Да, когда он кружил у дома, в котором живет девка-червь, то чувствовал что-то неприятное. Что-то холодное за грудиной и в горле. Это чувство напоминало давно забытое им ощущение приближающейся тошноты.

«Интересно, Мартышка это тоже ощутил?»

Виталий Леонидович закатил глаза к потолку. И, глядя вверх, стал думать. И чем больше он думал, тем меньше ситуация ему нравилась. Госпожа, появившись в любую секунду и в любом месте, спросит его, найден ли червь, наказан ли? И он ответит, что найден, но не наказан. И на логичный вопрос «Почему?» придется лепетать что-то насчет стража, охраняющего червя.

«Страж? И что это за страж?» — конечно же, спросит Бледная. И что он ей на это ответит? «А бог его знает, Госпожа, мне от него хреновато становилось, но видеть я его не видал, и это все, что я могу о нем сказать. А еще его дессы до смерти испугались, он у них ножик семейный отобрал».

Да, хорош он будет. Роэман вернулся к своей чашке черного, как нефть, кофе. Необходимо как минимум выяснить, что за страж охранял червя, а если рассудить по-хорошему, то ему нужно найти способ этого стража обойти и выполнить повеление Бледной Госпожи. Да-а... Теперь это дело оказывалось не таким уж и простым, как он поначалу думал.

Роэ залпом допил кофе и поспешил на улицу, чтобы побыстрее закурить.

Лишняя рукоять была плотно обмотана какой-то старой, грязной, неприятно пахнувшей тряпкой, которая, стоило сжать пальцы, намертво прилипла к руке. Нож невозможно было сразу выпустить, тем более уронить случайно. Она попробовала... Немного ослабила хватку, но тесак не упал на кровать, а так и висел, прилипнув к тонкой девичей ладони. Светлана с удовольствием его разглядывала. Лезвие у основания сантиметров пять, длиной, ну... почти в локоть, железо толстое, темно-серое, в черных разводах. С одной стороны не заточено, с другой белая кромка, даже на вид очень острая. Нож был по-настоящему страшен, но его хотелось держать в руке. Кажется, он придавал ей... нет, не сил, а уверенности в себе.

Светлана рубанула воздух. От одного звука самой стало страшно. Сейчас она и не думала о том, что за этим ножом могут прийти хозяева. Она получала удовольствие только от того, что можно держать его в руке. И еще, она даже не отдавала себе в этом отчет, но ей хотелось как-нибудь испытать находку.

Но тут как раз подошло время гигиенических процедур, которые требовалось проводить с мамой. И поэтому Светлана нехотя разжала прилипавшие к рукояти пальцы и положила этот страшный нож туда, где на него никто случайно не наткнется, — себе под подушку. Она пошла в ванную, взяла таз, налила теплой воды, достала из шкафчика средства гигиены, губки, дезинфекторы и понесла это в мамину комнату, а сама все думала об этом страшном и чарующем приобретении.

Девочка была так увлечена ножом, что практически забыла о той, кто ей этот нож дала. Она не вспоминала об Элегантной Даме, как не вспоминала и о том чумазом пацане, что на нее с этим ножом бросился. Забыла, напрочь забыла про них. Это серое железо с лишней рукоятью и белой, смертельно острой кромкой заслонило собой все остальное. Даже то, о чем

Свете как раз и нужно было задуматься в первую очередь. А ведь стоило выяснить, откуда взялся этот чумазый... кажется, Дама назвала его дессой... И зачем он кинулся на Свету? А Светлана думала о ноже. Обмывала маму и размышляла в основном о том, можно ли как-нибудь, хоть каким-нибудь способом протачить оружие в Истоки. Там-то она обязательно найдет то, на чем его можно опробовать. Ну не на бумаге же испытывать нож? На бумаге неинтересно.

Такое происходило со Светланой впервые. Она была почему-то уверена, что, если ляжет спать с ножом в руке, он обязательно окажется там, с ней, во сне. Девочка уже сбегала за братьями в садик, уже дождалась сиделку, успела помыть пол на кухне, сварить макароны папе на завтрак, и все это время она ждала той минуты, когда можно будет лечь спать. За окном давным-давно стемнело, но время едва перевалило за девять часов. Братья сидели за компьютером и, по своему обыкновению, ругались.

— Услышу еще одно обзывательство, — пообещала им Светлана с затаенной надеждой, — выключаете компьютер и ложитесь спать.

Макс и Колька покосились на сестру и, зная, что она в таких случаях не шутит, притихли. А девочка легла на кровать, засунула правую руку под подушку, надеясь нащупать ею нож, и... порезалась! Боль была тупой, не сильной. Но от неожиданности Света едва слышно вскрикнула: «Ай, блин...» — и выдернула руку из-под подушки.

Большие, тяжелые капли темной крови упали на пододеяльник. Рука была просто располосована от мизинца до сгиба кисти. «Как можно было так порезаться?» Девочка зажала рану и поглядела на пододеяльник.

«Ну вот, опять стирать, а он и так ветхий!»

Она слезла с кровати и заметила, что братья внимательно на нее смотрят.

— Ну, что? — резко спросила она у них. — Играйте.

— Свет, ты порезалась?

— Свет, а чем?

— Играйте, я вам сказала, — ответила она.

Девочка прошла в ванную, оставляя капли на полу, и осмотрела рану. Рана была глубокой, уж что-что, а резал ножичек хорошо. Боль, может, и отступила, но кровь, не останавливаясь, капала и капала в раковину. Света стала смывать ее водой, но это не помогало. Нужен был бинт, но бинта в ванной не оказалось, и пришлось обмотать руку туалетной бумагой, которая тут же пропиталась кровью и стала ужасно выглядеть, но кровь, кажется, она остановила. Только после этого девочка вышла из ванной и, на ходу вытирая с пола капли крови, пошла в комнату. А войдя — ужаснулась: ее братья, ее глупые маленькие братья, Макс и Коля, стояли у кровати, и Колька держал в руке этот самый нож. В этом было что-то... что-то противоестественное: дети и страшное черное железо. Забыв про руку, Светлана вытаращила глаза и почти крикнула:

— Кто разрешил?

Глупость! Она сразу поняла: этого делать было нельзя. Следовало спокойно подойти и забрать этот страшный предмет из детских рук, а уже потом как следует отругать мальчишек... Ну хотя бы за то, что осмелились копаться в ее постели.

А сейчас Коля, перепугавшись грозной сестры — они, кстати, оба испугались, резко опустил нож вниз и едва-едва задел свою правую ногу черным металлом. Чуть выше колена.

Нож лишь слегка коснулся ноги ребенка, но Света уже знала, что будет. Еще до того, как по стареньким штанам Кольки стало расплзаться черное пятно, она кинулась к брату и выхватила у него этот страшный предмет. Выхватила, бросила его на кровать, подхватила Колю на руки и понесла в ванную, на ходу приказав:

— Максим, на кухне в аптечке бинт, неси.

Все-таки мальчишки, после того что произошло с родителями, повзрослели. Они ругались из-за компьютера, как дети; как дети, не хотели идти в садик или ложиться спать. Как дети, не хотели есть, что дают, и вечно клянчили сладкого, но сейчас они вели себя совсем как взрослые. Коля, хотя вся нога была в крови, молчал и почти не морщился, когда Света мазала рану йодом, а Максим помогал сестре. Без слов и вполне себе осмысленно.

— Вы тупые, — наконец произнесла Светлана, когда повязка кое-как, но уже держалась на ноге брата. — Чтобы никто и никогда... Чтобы не смели трогать на моей кровати ничего, слышали?

— Слышали, — ответил за двоих Максим.

— Марш спать. — Она встала к зеркалу и начала разматывать слипшуюся бумагу. — Чтобы я пришла, и вы были уже в кровати.

— А пряник?! — возмутился Макс.

— А пряник с молоком?! — заканючил Коля одновременно с братом.

— Пять минут вам на пряники, и чтобы через пять минут были в постели! — приказала девочка. Сама же, взяв страшный нож — на сей раз с заметной осторожностью, пошла в ванную. Там, встав у зеркала, она еще раз осмотрела порез на руке, из которого все еще капала кровь. Девочка перевела взгляд на оружие. — Вот ты какой, оказывается. Любишь кровь, да?

Глупо было бы ждать, что остро заточенный кусок железа со старой и лишней рукоятью ей ответит. Светлана вспомнила, что в знаменитом мультфильме, который она смотрела все детство, легендарные мечи имели имена, и поэтому добавила:

— Буду называть тебя Кровошницей.

Девочка едва успела обмотать пораненную руку новой туалетной бумагой, а в дверь уже стучали близнецы. Пришли чистить зубы перед сном. К этому Светлана их приучила, чем немного гордилась. Она же

вышла из ванной и пошла к себе. Ей не терпелось уложить братьев и лечь спать самой. Она хотела, чтобы нож оказался с ней в Истоках. Девочка выключила в комнате свет, встала у окна, положив нож на подоконник. Ждала, пока придут Макс с Колькой и улягутся наконец. И увидала ее...

За окном был обычный петербургский вечер. Темно, дождь, через мокрое стекло видно немного. Дома тепло, включили батареи, а там, на дожде, наверное, холодно. И по этому дождю и холоду, по детской площадке, по центру двора, по мокрым желтым листьям не спеша шла Элегантная Дама. И больше вокруг не было никого. Она приблизилась к скамейке и спокойно на нее села. Достала что-то из кармана... Сигареты! На мгновение, всего на мгновение, вспыхнул огонек. Он осветил лицо Дамы. И Свете стало не по себе. Расстояние между ними было немалое, и девочка скорее поняла, чем рассмотрела: лицо Дамы было черным. Светлана перевела взгляд на Кровопийцу, что мирно лежал перед ней на подоконнике. И теперь-то она вспомнила сегодняшний случай, и того чумазого мальчишку, и то, как Дама его легко... победила, что ли? Вспомнила Света и о том, что Дама запретила задавать вопросы.

А этих вопросов было очень много. Девочке даже захотелось одеться и выйти на дождь, попытаться поговорить с Дамой. Поговорить как-нибудь так, чтобы не злить ее и тем не менее хоть что-то вызнать. Например, про то, почему какой-то десса кинулся на Свету с ножом? И кто этот десса вообще такой?

Но тут в комнату пришли братья из ванной. Стали раздеваться, и Света пошла к ним. Поправила повязку на ноге Коли, уложила, поцеловала обоих, что делала далеко не всегда, выключила свет:

— Все, спите.

После вернулась к окну. С удивительной невозможностью Дама все сидела под холодным дождем, ку-

рила. Девочке очень хотелось ее расспросить, но она просто не решилась пойти на улицу и заговорить со своей спасительницей.

Светлана подумала, что ей еще представится случай поговорить с Дамой. Как-нибудь днем, когда будет не так... Когда вокруг все будет не так мрачно.

Она быстро прошла в ванную, не забыв взять с подоконника нож — теперь-то она точно не оставит с близнецами это оружие, и после, помывшись и почистив зубы, вернулась в комнату. Сразу прошла к окну. Дамы на детской площадке уже не было. Девочка легла под одеяло. Кровопийцу держала в руке. Света сжала его липкую рукоятку в кулачке и закрыла глаза.

Мухи. Во влажном мареве вонючей комнатки жужжат мухи. Это там, наяву, льет холодный дождь, а тут за окном белый, как молоко, туман. Мухи тут большие, омерзительные и кусачие. Эти мухи, конечно, не такие отвратные, как те, которых выплевывает из слюнявой пасти мухоед, но и в этих, мягко говоря, приятного мало. Они жужжат, делая петлю, и врезаются со всего маха в грязное стекло окна. Девочка помнит, что на подоконнике их уже много. Больших, черных, высохших.

Света слышит мух и, еще не открыв глаза, уже знает, что нож с ней. Она чувствует его не только ладонью. Девочка ощущает его чем-то внутри себя. Светлана открывает глаза и сразу смотрит на Кровопийцу. Да, он тут. И он ей пригодится. В этом у нее сомнений нет. Но странное дело, девочку больше радует не сам факт присутствия ножа, а то, что она была уверена в том, что так и произойдет. А откуда она это знала? Света улыбается. Кажется, она понимает, что вещи можно пронести не только отсюда, некоторые вещи можно пронести и сюда. Это невозможно было объяснить. Но теперь она... она понимает, как это делать!

Понимает? Понятие? Осознание? Неуловимая мысль? У нее даже закружилась голова от ощущений, что рождались в ней. И знаний, изящных и ажурных, что выкристаллизовывались из этих ощущений.

Все это было непросто, все это было странно, как морозные узоры на стекле, все это было тонко, как нити паутины в прозрачном воздухе осени.

Она улыбалась. Милая светловолосая девочка в грязной куртке, в джинсах на вырост, в ботинках разного цвета и с рюкзаком за спиной стояла в душной, наполненной огромными мухами комнате, держала в руке страшный нож и странно улыбалась.

Любопытный не придал ни малейшего значения приобретению Светланы, хотя она ловко, как ей казалось, при помощи веревки повесила нож себе на пояс. Лю, поприветствовав девочку, сразу заговорил о деле:

— Прежде чем мы, Светлана-Света, отправимся к Черте, думаю, нам нужно будет наведаться под Красное Дерево.

— К маме Тае?

— Да. Думаю, это будет разумный ход. Вопрос с Аглаей вам без конфликта уладить не удалось, а решать его придется. Полагаю, будет разумным сходить к суприму, что проживает под Красным Деревом, и еще раз услышать от него, что он вознаградит вас тем, чем обещал.

«Он опять про это!» Теперь-то у Светы не осталось сомнений в том, что ничего не может заинтересовать Лю сильнее, чем медное кольцо мамы Таи.

— Вы говорите про кольцо, которое останавливает время, Лю?

— Я говорю про кольцо и про то, что в пути на север оно точно нам не помешает.

В словах Любопытного, конечно, был смысл. Хотя Светлану стала немного... раздражать эта его одержимость временем и всем, что с ним связано.

«Он очень хочет заполучить это кольцо», — думала девочка, а сама, честно говоря, не очень хорошо пони-

мала ценность этого приза. Может оттого, что считала, что за три-четыре, ну может, за пять секунд ничего сделать невозможно. А может, и оттого, что там, в полумраке зависшего времени, ей было очень, очень... не по себе, что ли. Тем не менее она нехотя согласилась:

— Ну ладно, пойдем доберемся до Дерева.

Нехотя, потому что приходилось тащиться в противоположную от Черты сторону, а еще и потому, что там, под Деревом, рядом с огромной бабищей в два с лишним, если не в три центнера весом и с ее синими зубастыми сынками девочка не чувствовала себя в безопасности. Кто-то из синих мальчиков постоянно находился у нее за спиной в прошлый раз. Свету это нервировало. Но приходилось идти в это опасное место, чтобы удерживать при себе Лю. Света даже думать не хотела, что с ней станет, если Любопытный вдруг утратит к ней интерес.

Светлана взяла свою жабью палку, открыла тяжелую входную дверь, остановилась на пороге и огляделась. От забора, на котором все еще висели разлагающиеся черные останки, отбежал на четырех конечностях слепой дедок. Вернее, отбежал на трех, так как в одной руке он держал полусгнившую ногу. Туман почти рассеялся, дед искал убежище. На забор, на самые шки, уселась мерзкая птица. Заорала призывно и бочком, бочком пошла к останкам, собираясь полакомиться падалью. Казалось, что все тихо, но Света уже научилась быть осторожной. Так что дедок и расслабленная птица не гарантировали того, что Аглая не прячется где-то рядом. Аглая явно неглухая баба, в чем девочка недавно убедилась. Она запросто притихнет и перехитрит и слепого деда, и глушую птицу. Но не Свету.

— Аглаи поблизости нет? — спросила девочка.

— Не вижу, — отозвался Лю.

Теперь, после того как она сходила за Черту и создала точку концентрации, он отвечал намного бы-